

Н. Н. Соколовъ.

КТО ВОСКРЕСЪТЪ ВЪ РОМАНѢ

графа Л. Н. Толстого

„ВОСКРЕСЕНИЕ“.

Рефератъ, читанный 11-го февраля 1900 года.

МОСКВА.

Издание книжнаго магазина **Є. Д. Добровольковой.**

1901.

Дозволено цензурою. Москва, 3 марта 1901 года.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собств. домъ.

Спустя нѣсколько времени по выходѣ въ свѣтъ романа Л. Н. Толстого «Воскресеніе», мнѣ попался на глаза экземпляръ этой книги, взятый однимъ юношей изъ публичной библіотеки. Книжка была уже достаточно потерта и истрепана и вообще носила на себѣ слѣды усердной и неусыпной службы. По всему было замѣтно, что со времени появленія на полкѣ библіотеки она безъ отдыха переходила изъ рукъ въ руки, что ее читали съ жаднымъ вниманіемъ и такимъ увлеченіемъ, что не щадили ни ея переплета, успѣвшаго утратить даже первоначальную форму, ни листовъ, углы которыхъ мѣстами оказались завернутыми въ трубочки, мѣстами — совсѣмъ оторванными. Очевидно, читатели, очарованные волшебною силой художественнаго созданія, до того были подавлены массою новыхъ, непривычныхъ впечатлѣній, что имъ было некогда уже слѣдить за тѣмъ, что продѣлывали въ это время ихъ нервно-безпокойныя руки.

Перелистывая романъ, съ цѣлью возобновить въ памяти нѣкоторыя забытыя подробности, я натолк-

нулся на нѣсколько замѣтокъ карандашемъ, довольно безцеремонно набросанныхъ на поляхъ и въ самомъ текстѣ книги. Явленіе это, къ сожалѣнію, весьма часто встрѣчающееся и составляющее одну изъ египетскихъ казней публичныхъ библіотекъ, свидѣтельствуешь, какъ вообще мало еще культурно наше общество, усвоившее уже себѣ отчасти привычку къ чтенію, но недоразвившееся еще до того, чтобы любить и беречь книгу.

По нѣкоторымъ признакамъ, впрочемъ, можно было заключить, что этой книгѣ пришлось побывать въ рукахъ еще совсѣмъ зеленыхъ юношей: въ концѣ иныхъ періодовъ и отдѣльныхъ сценъ стояли рѣзкія отмѣтки карандашомъ «Д. П», то-есть «до сихъ поръ», которыми наша учащаяся молодежь до настоящаго времени любить пестрить свои учебники, отмѣчая заданный урокъ. Въ концѣ книги не установившимся женскимъ почеркомъ, съ почти полнымъ пренебреженіемъ къ знакамъ препинанія, было подписано: «Нехлюдовъ—душка, прелесть. Катюша—развратная натура. Богодуховская—премесь; она сама—кое-какъ, а за людей стоитъ».

Этотъ строгій судъ надъ Катюшей неизвѣстной мнѣ гимназистки и ея зеленое увлеченіе тряпичною личностью Нехлюдова заставили меня призадуматься. Хотя безжалостный судья за свой не въ мѣру суровый судъ уже понесъ наказаніе на той же испач-

канной имъ страницѣ, гдѣ какой-то гимназистъ (судя по почерку, тотъ самый, который ставилъ подъ періодами свои краснорѣчивые «Д. П.») подъ строчкой «Катюша—развратная натура» подписалъ: «а кто замѣтилъ—дура»; тѣмъ не менѣе меня поразила жестокая несправедливость приговора, какъ-то негармонизировавшая съ юнымъ, не испорченнымъ еще сердцемъ, не искушеннымъ лицемерствующимъ фарисействомъ общества и потому, казалось, не успѣвшимъ еще утратить свою свѣжую, юную чуткость.

Катюша—развратная натура, а погубившій ее, выбросившій ей за позоръ скомканную сторублевую бумажку, развратничающій еще въ началѣ романа съ женою пріятеля, князь Нехлюдовъ—душка, прелесть! Какими логическими путями могло придти юное сердце къ подобному выводу? Слѣдовательно, созданіе великаго художника не имѣетъ въ себѣ той прозрачности кристалла, той ничѣмъ не отуманиваемой ясности, которая присуща великимъ созданіямъ и не допускаетъ благороднаго Отелло смѣшивать съ негодьямъ Яго? Слѣдовательно, въ романѣ Л. Н. Толстого есть что-то такое, что создаетъ свѣтлый ореолъ дрянной личности Нехлюдова и затемняетъ великій своею женственною простотою и цѣлостностью, страдальческій образъ Катюши?

Эти размышленія привели меня къ тому, что я вспомнилъ, что эта неясность поразила меня еще

при первомъ чтеніи романа; вмѣстѣ съ тѣмъ я вспомнилъ о своемъ рефератѣ, прочитанномъ еще въ началѣ февраля прошлаго 1900 года небольшому кружку лицъ, пожелавшихъ уяснить себѣ основную мысль только что появившагося въ свѣтъ романа Л. Н. Толстого. Я перечиталъ еще разъ этотъ рефератъ, исправилъ нѣкоторыя шероховатости въ слогѣ, происшедшія отъ слишкомъ спѣшной работы, и рѣшился издать его въ свѣтъ. Тема реферата выписана въ заглавіи этой книжки.

Н. Соколовъ.

19 февраля 1901.

Пенза.

Съ тѣмъ же захватывающимъ интересомъ, съ тѣмъ же жаднымъ вниманіемъ, какъ и вся читающая Русь, я прочиталъ новый романъ нашего великаго художника, къ сожалѣнію, такъ долго приносившаго свой великій талантъ въ области поэтическаго творчества на жертву почти сектантской учительности. Высокохудожественные образы и картины современной жизни, какъ живые, возставали предо мной со страницъ этого романа и напоминали мнѣ то время, когда, чуждый еще учительности, Л. Н. Толстой довольствовался ролью великаго художника-романиста, подъ обаятельнымъ перомъ котораго самыя мелкія, самыя обыденныя черты будничной жизни получали глубокий смыслъ и будили дремавшую мысль нашего общества, не успѣвшаго еще очнуться отъ своей вѣковой спячки.

Но прочитавъ послѣднюю страницу романа, я почувствовалъ какую-то странную неудовлетворенность. Не то, чтобы въ этой книгѣ звучала какая-нибудь фальшивая нота, чтобы въ ней навязывалась какая-нибудь предвзятая мысль, проводилась преднамѣренно

односторонняя тенденція, но мнѣ чувствовалась вообще какая-то неясность замысла, несоотвѣтствіе между основною идеей книги и тѣми носителями этой идеи, которыхъ авторъ вывелъ въ своемъ романѣ. Эта неясность доходила даже до того, что невольно, самъ собою поднимался изъ глубины души вопросъ: кто же воскресъ въ романѣ «Воскресеніе»?

Если этимъ воскресшимъ, по внушенію автора, должно признать князя Нехлюдова, то почему заглавіе романа поставлено въ единственномъ, а не во множественномъ числѣ, почему романъ называется «Воскресеніе», а не «Воскресенія»? Вѣдь герой романа, по самому же сознанію автора, воскресалъ безчисленное количество разъ до начала романа и, воскресши снова въ началѣ книги, пришелъ къ необходимости воскреснуть еще разъ въ самомъ ея концѣ... Логично ли назвать рядъ подобныхъ, случайно слѣдующихъ одно за другимъ воскресеній однимъ словомъ «Воскресеніе», выражающимъ окончательно, безповоротно совершившійся фактъ, котораго, однако, нельзя допустить, вдумавшись въ характеръ героя, совершенно непригодный къ этой окончательности, къ этой безповоротности?

Какъ, скажутъ мнѣ, князь Нехлюдовъ, такой благородный, такой самоотверженный, такъ великодушно сознавшій свою вину и не остановившійся ни предъ какими лишеніями, чтобы ее искупить,— словомъ, та-

кой душка, прелесть—и неспособенъ къ воскресенію, неспособенъ стряхнуть съ себя свое ветхое «я» и явиться предъ нами воскресшимъ въ новомъ, просвѣтленномъ образѣ, въ обновленной обаятельной формѣ, совершенно освобожденной отъ тѣхъ жалкихъ одеждъ, которыя сбросилъ онъ съ себя при своемъ обновленіи?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ неголословно, необходимо обратиться къ самому роману.

Содержаніе романа «Воскресеніе», прочитаннаго съ одинаковымъ вниманіемъ всею читающею Россіей, всѣмъ извѣстно. Поэтому я ограничусь только самой короткой передачей его фабулы, крайне простой и несложной. Главными дѣйствующими лицами въ этомъ романѣ являются князь Нехлюдовъ и воспитанница его тетушекъ, Катюша. Эта послѣдняя выведена авторомъ уже въ видѣ проститутки Масловой, осужденной на каторгу по обвиненію въ отравленіи купца.

Фабула романа состоитъ въ томъ, что князь Нехлюдовъ, участвующій въ качествѣ присяжнаго засѣдателя въ роковой судебной ошибкѣ, которая привела къ осужденію Масловой, узналъ въ этой послѣдней неопытную дѣвушку, десять лѣтъ тому назадъ оболъщенную имъ и доведенную до паденія. Мучимый угрызеніями совѣсти, онъ принимаетъ рѣшеніе исправить зло, сдѣланное имъ Масловой, предлагаетъ жениться на ней и затѣмъ, когда хлопоты его о

кассированіи приговора не увѣнчались успѣхомъ, сопровождаетъ ее въ Сибирь. Въ Сибири, однако, Маслова выходитъ замужъ не за князя Нехлюдова, а за политическаго каторжнаго Симонсона, и авторъ оставляетъ Нехлюдова наканунѣ избранія этимъ послѣднимъ новаго пути жизни, которое, по мысли автора, и должно быть для его героя воскресеніемъ. И вотъ въ этихъ-то избраніяхъ героемъ романа все новыхъ и новыхъ путей жизни, при чемъ мѣняется не только міросозерцаніе, но даже нравственный обликъ самого Нехлюдова, и состоитъ, какъ мнѣ кажется, самая сущность романа.

Какъ въ фавулѣ романа нѣтъ ничего новаго, оригинальнаго, такъ и въ подробностяхъ мы постоянно встрѣчаемся съ тѣмъ, что давно намъ извѣстно, о чемъ мы давно уже слышали и читали. Поэтому романъ производитъ впечатлѣніе старой, тысячу разъ слышанной сказки, которую намъ снова рассказываетъ наша старая, горячо любимая бабушка и которую мы, однако, слушаемъ съ жаднымъ вниманіемъ, съ захватывающимъ интересомъ, потому что никто такъ не расскажетъ, какъ эта неподражаемая рассказчица, потому что въ ея передачѣ старыя, стертыя образы становятся живыми, облекаются въ плоть и кровь, пріобрѣтаютъ такую яркую окраску и такое блестящее освѣщеніе, что изъ темныхъ угловъ и тѣней картины выступаютъ неожиданно по-

выя, не замѣченныя раньше подробности, вызывающія новыя впечатлѣнія, наталкивающія на новыя мысли и ощущенія.

Толстого уже не разъ обвиняли въ плагиатѣ (напримѣръ, не такъ давно по поводу «Власти тьмы») именно за то, что онъ выбираетъ для своихъ созданий самыя обыденныя, общеизвѣстные факты. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на Шекспира, и такъ же, какъ Шекспиръ, онъ на старой, заимствованной основѣ вышиваетъ такіе геніальные узоры, что изъ обыденнаго случая, изъ фавулы, придуманной жалкою посредственностью, у него является геніальное созданіе, заставляющее совершенно позабыть о томъ жалкомъ дичкѣ, на которомъ оно выросло.

Въ романѣ «Воскресеніе» Л. Н. Толстой идетъ еще дальше. Онъ не ограничивается оспариваемой у него исторіей судебной ошибки и раскаянія присяжнаго засѣдателя, не ограничивается всѣмъ извѣстной исторіей Тараса и Оедосы, — онъ даже выбираетъ героемъ романа лицо, имя котораго извѣстно всѣмъ намъ почти съ дѣтства.

Князь Дмитрій Нехлюдовъ является дѣйствующимъ лицомъ въ цѣломъ рядѣ раннихъ произведеній Толстого; но въ «Утрѣ помѣщика» его зовутъ Митрій Миколаичъ и въ «Запискахъ Маркера» онъ оканчиваетъ самоубійствомъ; въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ», такъ же какъ и въ «Воскресеніи», онъ является

другомъ Николенки Иртеньева; но въ первомъ онъ сынъ Марьи Ивановны и братъ Вареньки, а во второмъ Марья Ивановна—его тетка и сестру его зовутъ уже Наталья Ивановна. Если допустить, что герой романа «Воскресеніе», Дмитрій Ивановичъ Нехлюдовъ, принадлежитъ къ позднѣйшей генераціи князей Нехлюдовыхъ, то какъ объяснить его дружбу съ Николенкой Иртеньевымъ и въ особенности то обстоятельство, что этотъ послѣдній и для послѣдующаго поколѣнія Нехлюдовыхъ, для Дмитрія Ивановича Нехлюдова и для его сестры Натальи Ивановны, все еще продолжаетъ оставаться Николенкой?

Мы не можемъ допустить, что въ этой, нѣсколько запутанной генеалогіи героя автору измѣнила память; мы скорѣе согласны думать, что графъ Толстой взялъ имя князя Дмитрія Нехлюдова для героя своего послѣдняго романа просто потому, что съ этимъ именемъ для русскаго общества связаны уже извѣстныя типическія черты, какъ самой личности, такъ и той обстановки, той среды, въ которой ей приходилось развиваться, жить и дѣйствовать и которымъ вполне уместно дать названіе «*Нехлюдовщины*». Такимъ образомъ, если нельзя установить тождества между Нехлюдовымъ, героемъ «Воскресенія», и Нехлюдовымъ, являющимся въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ», то несомнѣнно генетическая связь между двумя этими типами существуетъ: и тотъ, и другой въ уни-

верситетѣ исполнены благихъ намѣреній, надеждъ и стремленій, но ни тотъ, ни другой не застрахованы отъ того, что изъ-подъ этой благодушной личины не вынырнетъ внезапно что-нибудь дикое и безобразное, въ родѣ неожиданной кулачной расправы съ несчастнымъ, ни въ чемъ неповиннымъ Васькой въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ», которою угостилъ Нехлюдовъ своего друга, Николенку Иртеньева.

Воспитаніе, семейная обстановка, общественное положеніе—все развивало въ нихъ обоихъ громад-ное самолюбіе, приучало топорщиться, казаться не тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ, смотрѣть на окружающихъ сверху внизъ, сквозь призму самого беззастѣнчиваго эгоизма. И эта самая привычка казаться и быть не тѣмъ, что есть, служила для нихъ причиной страшной неустойчивости, даже какой-то двойственности характера, вѣчно колеблющагося между добромъ и зломъ и потому всегда способнаго какъ на то, такъ и на другое, всегда поддающагося первому сильному впечатлѣнію, всегда дѣйствующаго порывомъ, и изъ-за этого порыва не понимающаго, какъ «другіе могутъ понимать и дѣлать иначе». «Онъ удивлялся,—говоритъ авторъ, «Воскресенія» о своемъ героѣ Нехлюдовѣ,—онъ удивлялся, какъ могъ онъ не видѣть этого прежде, *какъ могли другіе не видѣть этого*» *).

*) Сочинен. Толстого, т. XVI, стр. 181.

Какъ и типы ранней генерации Нехлюдовыхъ, князь Дмитрій Нехлюдовъ въ романѣ «Воскресеніе» представляетъ собою натуру, проникнутую всецѣло эстетическимъ міровоззрѣніемъ. Громкою фразой, красивымъ словомъ, даже непривычнымъ, раздражающимъ ощущеніемъ такіа натуры легко можно подвинуть на все хорошее и дурное, потому что нравственное міросозерцаніе ихъ совершенно подчинено эстетическимъ импульсамъ и потому неопредѣленно и неустойчиво. Сами по себѣ, какъ ихъ характеризуетъ апостоль, такіе люди ни горячи, ни холодны и потому вѣчно колеблются между добромъ и зломъ: они способны совершить какъ то, такъ и другое, смотря по тому, въ какомъ эстетическомъ освѣщеніи это добро или зло имъ представляется въ данный моментъ. Эстетика въ нихъ такъ сильна, что имъ мало совершить доброе дѣло, имъ надо еще полюбоваться собой со стороны, умилиться своею добродѣтелью, надо, чтобы отъ этой добродѣтели щеколтало у нихъ въ носу и на глазахъ наворачивались слезы умиленія *). «На глазахъ его были слезы... и хорошія и дурныя слезы; хорошія слезы потому, что это были слезы радости, пробужденія въ себѣ того духовнаго существа, которое всѣ эти годы спало въ немъ, и дурныя потому, что онѣ были слезы

*) Соч. Толст. т. XVI, стр. 398.

умиленія надъ самимъ собою, надъ своею добродѣтелью» *). «Какъ хорошо, какъ хорошо, Боже мой, какъ хорошо! говорилъ онъ про то, что было въ его душѣ».

Благодаря неустойчивости нравственнаго міросозерцанія, люди, подобные Нехлюдову, вѣчно находятся въ зависимости отъ внѣшнихъ вліяній, вѣчно поддаются навѣяннѣмъ со стороны аффектамъ; поэтому они всегда дѣйствуютъ порывами, послѣ которыхъ энергія ихъ ослабѣваетъ, обращается въ попятное движеніе, и вслѣдствіе этого послѣдняго свойства они способны чуть не на каждомъ шагѣ разрушить собственное дѣло. Поэтому о нихъ также можно сказать словами поэта:

Суждены имъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано.

Вся жизнь ихъ подобна движенію маятника, который, дойдя до своей кульминаціонной точки, тотчасъ же начинаетъ движеніе въ обратную сторону. Подобно маятнику, они также колеблются между паденіемъ и возстаніемъ, съ тою только разницею, что періоды ихъ паденій могутъ продолжаться неопредѣленно долгое время, тогда какъ періоды возстаній почти такъ же коротки, какъ былъ коротокъ вызвавшій ихъ порывъ.

*) Ibid., p. 151.

Благодаря случайностямъ рожденія, Нехлюдовы лишены возможности закалить характеръ и пріобрѣсти устойчивость и въ жизни, потому что жизнь ихъ сложилась такъ гладко, что имъ остается только отдаться ея теченію и оно, безъ всякаго труда съ ихъ стороны, понесетъ ихъ туда, куда они желаютъ. Герой романа «Воскресеніе» находится совершенно въ такихъ же условіяхъ. «Наслѣдство богатыхъ отцовъ» не только «освободило его отъ малыхъ трудовъ», не только дало ему власть избирать для себя по собственному произволу любой изъ путей жизни,—оно даетъ ему возможность мѣнять свои жизненные пути на другіе, какъ только старый рядъ впечатлѣній успѣетъ ему надоѣсть и его избалованная душа захочетъ испытать другихъ, свѣжихъ, еще не испытанныхъ. На своемъ жаргонѣ онъ называетъ это «чисткою души». Но собственно въ этомъ ни какой чистки души нѣтъ, а есть только пресыщеніе старыми впечатлѣніями и жажда новыхъ. Вотъ какъ говоритъ авторъ объ этихъ чисткахъ души: «И онъ вдругъ понялъ, что то отвращеніе, которое онъ въ послѣднее время чувствовалъ къ людямъ и, въ особенности нынче, и къ князю, и къ Софѣ Васильевнѣ, и къ Мисси, и къ Корнею—было отвращеніе къ самому себѣ. И удивительное дѣло, въ этомъ чувствѣ признанія своей подлости было что-то болѣзненное и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное и успокои-

тельное». Болѣзненное, прибавимъ мы отъ себя,—потому, что старый порядокъ ощущеній надоѣлъ, пріѣлся; радостное и успокоительное—потому, что предвкушался заранѣе новый рядъ свѣжихъ, не испытанныхъ впечатлѣній. Но будемъ продолжать цитату.

«Съ Нехлюдовымъ не разъ уже случалось въ жизни то, что онъ называлъ «чисткой души». Чистой души называлъ онъ такое душевное состояніе, при которомъ онъ, вдругъ, послѣ иногда большого промежутка времени, сознавъ замедленіе, а иногда и остановку внутренней жизни, принимался вычищать весь тотъ соръ, который, накопившись въ его душѣ, былъ причиной этой остановки.

«Всегда послѣ такихъ пробужденій Нехлюдовъ составлялъ себѣ правила, которымъ намѣревался слѣдовать уже навсегда: писалъ дневникъ и начиналъ новую жизнь, которую надѣялся никогда уже не измѣнять,—turning a new leaf,—какъ онъ говорилъ себѣ. Но всякій разъ соблазны міра улавливали его, и онъ, самъ того не замѣчая, опять падалъ, и часто ниже того, какимъ былъ прежде».

«Такъ онъ очищался и поднимался нѣсколько разъ...»

Въ юности, когда надъ душой Нехлюдова еще властвовали добрыя вліянія воспитателей, онъ былъ чистъ и хранилъ свою чистоту; онъ увлекался тогда «Соціальною Статикою» и взглядами Спенсера на

земельную собственность, и увлекался до того, что подарилъ крестьянамъ 200 десятинъ земли, доставшихся ему отъ отца. Но онъ скоро пресытился этимъ строемъ впечатлѣній и ударился въ другую крайность. Кончивъ университетъ, онъ уже не думаетъ отказываться въ пользу крестьянъ отъ громаднаго имѣнія, доставшагося ему отъ матери, а соскучившись въ гражданской службѣ, поступаетъ въ блестящій гвардейскій полкъ и начинаетъ усердно прожигать жизнь, не хуже своихъ, не нюхавшихъ университета товарищей. Къ этой-то именно полосѣ жизни и относится его ultra-гвардейскій поступокъ съ Катюшой.

Но и этотъ строй впечатлѣній ему также надоѣдаетъ. Онъ пресыщается кутежами и развратомъ, такъ же круто, какъ прежде разорвалъ со Спенсеромъ и съ университетскими преданіями и потомъ съ гражданскою службой, разрываетъ съ товарищами по полку и полковою жизнью, и ищетъ новыхъ впечатлѣній. Наступаетъ новая чистка души, новая полоса жизни. Онъ становится дѣятелемъ на земскомъ поприщѣ. Объ этомъ періодѣ жизни Нехлюдова мы знаемъ очень мало. Но при тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыя онъ получилъ въ наслѣдство послѣ матери и затѣмъ по смерти тетюшекъ и которыя давали ему полную власть избирать для себя любой жизненный путь, мы позволяемъ себѣ

догадываться, что онъ могъ заниматься въ это время сельскимъ хозяйствомъ, какъ это описано въ «Утрѣ помѣщика», могъ быть мировымъ посредникомъ перваго призыва, составлять уставныя грамоты, строить сельскія школы, можетъ быть, самъ сдѣлался педагогомъ и даже издавалъ педагогическій журналъ. Все это весьма возможно, такъ какъ при его средствахъ всѣ пути ему не заказаны. Но и при всемъ томъ онъ оставался вѣренъ себѣ, вѣчно поддавался внѣшнимъ вліяніямъ, вѣчно дѣйствовалъ порывами и попрежнему былъ ни холоденъ, ни горячъ.

Само собой понятно, что, какъ и все на свѣтѣ, земская дѣятельность ему такъ же надоѣла; душа его пресытилась этимъ рядомъ впечатлѣній и запросила новыхъ. Мы можемъ предположить здѣсь опять вліяніе какого-нибудь внѣшняго импульса: быть можетъ, у либеральнаго земца, якшавшагося съ простымъ народомъ и снисходившаго до того, чтобы самому учить азбукѣ крестьянскихъ ребятъ, попечительное начальство нашло нужнымъ сдѣлать обыскъ, и того обстоятельства, что жандармы немного порылись въ его бумагахъ и книгахъ, было достаточно, чтобы онъ охладѣлъ и къ педагогикѣ, и къ школамъ, и къ самому земству.

Послѣ новой чистки души онъ ѣдетъ за границу. Чудеса картинныхъ галлерей Европы наталкиваютъ его на новый рядъ впечатлѣній: онъ воображаетъ

себя артистомъ, художникомъ, даже пишетъ картину, но, по обыкновенію, не доводитъ ее до конца и разочаровывается въ своей артистической способности. Тогда онъ снова возвращается къ родительскимъ пенатамъ.

Либеральный предводитель дворянства, съ женою котораго князь Нехлюдовъ состоитъ въ связи, зоветъ его на экстренное собраніе, чтобы вмѣстѣ отстаивать вопросъ о школахъ и подъѣздныхъ путяхъ противъ реакціонной партіи. Но и жена предводителя, и земское дѣло, и школы, и подъѣзды пути ему такъ же опротивѣли, какъ его недоконченная картина, какъ всѣ окружающіе его люди, начиная съ камердинера Корнея и кончая княжною Мисси, имѣющею на Нехлюдова матримоніальные виды. Ясно, что пришло время, когда эта полоса жизни должна смѣниться другою, что онъ пресытился уже впечатлѣніями этого порядка, что они ему надоѣли, что ему пора искать впечатлѣній иного рода, избрать иной жизненный путь,—ясно, что предстоитъ «новая чистка» души, за которой обыкновенно избирается новый путь жизни, что, какъ я уже сказалъ раньше, для Нехлюдова, благодаря «наслѣдству богатыхъ отцовъ», не представляло никакихъ затрудненій. На этой именно ступени, какъ разъ передъ новою «чисткой души», и застаётъ своего героя романъ Толстого.

Поводомъ къ новой чисткѣ души и къ избранію новаго пути жизни послужила на этотъ разъ встрѣча Нехлюдова на судѣ съ обвиняемой въ отравленіи купца проституткой Масловой, въ которой Нехлюдовъ узналъ дѣвушку, погубленную имъ въ періодъ его гвардейской полосы жизни. Сознавая себя виновникомъ паденія этой женщины, Нехлюдовъ занялся на судѣ самообвиненіемъ и по обыкновенію упустилъ изъ виду исполненіе того, что долженъ былъ сдѣлать, именно—упустилъ изъ виду исполненіе возложенной на него закономъ обязанности представителя общественной совѣсти. Привычка относиться халатно ко всему, что имѣло видъ обязанности, долга, что такъ или иначе стѣсняло свободу предаваться минутнымъ порывамъ, что требовало извѣстной доли усидчивости, труда или, по крайней мѣрѣ, усиленнаго, постояннаго вниманія, наконецъ, съ дѣтства укоренившаяся въ немъ привычка ставить выше всей этой скучной матеріи свое личное я сослужила ему на этотъ разъ весьма плохую службу. Въ то время, когда онъ предавался своимъ воспоминаніямъ и почти не обращалъ вниманія на то, что происходило на судѣ, произошло то, что, благодаря оплошности предсѣдателя суда, не разъяснившего какъ слѣдуетъ поставленные судомъ вопросы, присяжные обвинили Маслову въ преступленіи, въ которомъ, какъ выяснилось на судѣ, она была совсѣмъ не виновна

Дѣло можно было бы еще исправить, если бы объ ошибкѣ, вкравшейся въ вердиктъ присяжныхъ, было тотчасъ же заявлено, если бы Нехлюдовъ, на примѣръ, тогда же подалъ объ этомъ отдѣльное мнѣніе. Но кающійся дворянинъ, углубленный въ самосозерцаніе и всецѣло предавшійся порыву самобичеванія, упустилъ и этотъ важный моментъ, и Маслова была приговорена судомъ къ каторжнымъ работамъ. Эта психологическая черта характера Нехлюдова дѣлаетъ великую честь таланту художника, подарившему русской литературѣ такой законченный типъ, присущій извѣстному классу общества. Нехлюдовъ и не могъ иначе поступить, и если бы въ данномъ случаѣ онъ поступилъ иначе, онъ не былъ бы Нехлюдовъ. Принимая на себя какія-нибудь общественныя обязанности, Нехлюдовы, въ своемъ наивномъ эгоизмѣ, обыкновенно думаютъ, что они и такъ уже много дѣлаютъ, если исполняютъ ихъ кое-какъ. Поэтому, задаваться такого рода задачами, какъ предварительное изученіе, въ чемъ именно состоятъ эти обязанности и что нужно знать для того, чтобы отправлять ихъ добросовѣстно, имъ никогда и не приходитъ въ голову. Отъ этого именно происходятъ такія печальныя явленія въ земствѣ и другихъ сферахъ, гдѣ Нехлюдовымъ предоставлено играть главную роль.

Катюша осуждена несправедливо, осуждена за не

содѣянную ею вину. Нехлюдовъ догадывается, къ несчастію, слишкомъ поздно, что онъ могъ предотвратить судебную ошибку и не сдѣлалъ этого. Тогда онъ приходитъ къ рѣшенію исправить свою двойную вину передъ Масловой — самопожертвованіемъ и самоотверженіемъ. Рѣшеніе это состоялось, во-первыхъ, потому, что слова «самопожертвованіе», «самоотверженіе» звучатъ такъ красиво, во-вторыхъ, жертвовать собой такъ добродѣтельно, что при одной мысли объ этомъ у него щекочетъ въ носу и слезы навертываются на глаза.

Придя къ подобному рѣшенію, Нехлюдовъ тотчасъ же умиляется надъ собственною добродѣтелью. «Поѣду въ тюрьму, скажу ей, буду просить ее простить меня. И если нужно, да, если нужно, женюсь на ней», думалъ онъ.

«Эта мысль о томъ, чтобы ради нравственнаго удовлетворенія пожертвовать всѣмъ и жениться на ней, нынче утормъ особенно умиляла его *)».

«И когда онъ представлялъ себѣ только, какъ онъ увидитъ ее, какъ онъ скажетъ ей все, какъ покается въ своей винѣ передъ ней, какъ объявитъ ей, что онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, женится на ней, чтобъ загладить свою вину,—тогда особенное вос-

*) XVI т. Соч. Толстого, стр. 171.

торженное чувство охватывало его, и слезы выступали ему на глаза» *).

Восторгъ и слезы умиленія дѣлають то, что окружающій его міръ, въ которомъ онъ начиналъ уже скучать, сразу пріобрѣтаетъ для него другую окраску, и скука пресыщенія смѣняется новымъ порывомъ, — порывомъ самоотреченія, самоотверженія. «Какъ хорошо, какъ хорошо, Боже мой, какъ хорошо!» восклицаетъ Нехлюдовъ, предвкушая удовольствіе испытать новыя ощущенія.

Новый путь жизни найденъ, и, по обыкновенію, считая его единымъ истиннымъ и до того простымъ и яснымъ, что даже удивительно, какъ другіе этого не видятъ, Нехлюдовъ торопится сжечь свои корабли, какъ это и раньше, при перемѣнѣ пути, онъ постоянно дѣлалъ. Поэтому онъ спѣшитъ объяснить съ Масловой, какъ будто опасаясь, что порывъ его пройдетъ: такъ вообще дѣйствуютъ люди, у которыхъ слабо развиты задерживающіе центры мозга.

Задумавъ искупить грѣхъ своей юности, Нехлюдовъ, по ассоціаціи идей, вспоминаетъ увлекавшія его въ тѣ времена и забытыя потомъ теоріи Спенсера съ коррективомъ Генри Джоржа **) и принимаетъ намѣреніе отказаться отъ земли въ пользу крестьянъ, забывая или игнорируя на этотъ разъ

*) Соч. Толст. XVI т., стр. 175.

**) Ibid., стр. 282.

тѣ печальные результаты, которые получились отъ пожертвованныхъ уже крестьянамъ 200 десятинъ отцовской земли *). Впрочемъ, намѣреніе облагодѣтельствовать крестьянъ, какъ оказывается въ послѣдствіи, онъ осуществляетъ только отчасти. Нехлюдовъ даритъ землю крестьянамъ только въ имѣніи, доставшемся ему отъ тетушекъ; что же касается имѣнія матери, составляющаго главную статью его богатства, то эти 10.000 десятинъ онъ только сдаетъ въ аренду крестьянамъ, правда, на льготныхъ условіяхъ. Потомъ Нехлюдовъ даже объявляетъ сестрѣ, что землю эту онъ оставить въ наслѣдство ея дѣтямъ.

Предполагая, что Нехлюдовъ поступаетъ такимъ образомъ даже безсознательно, все-таки нельзя не отдать справедливости его инстинктивному благоразумію, потому что кто же можетъ заранѣе предвидѣть, какая еще найдетъ на него полоса? Быть можетъ, онъ еще пожалѣетъ, что былъ такъ опрометчиво великодушенъ, что отдалъ крестьянамъ не только отцовскую, но и тетушкину землю...

Но возвратимся къ отношеніямъ Нехлюдова къ Масловой, такъ какъ они составляютъ главную движущую силу въ романѣ, потому что въ нихъ именно и при ихъ посредствѣ авторъ воспроизводитъ процессъ воскресенія.

*) Ibid., p. 69.

Укрѣпившись на добродѣтели самоотверженія, Нехлюдовъ отправляется въ острогъ, просить у Масловой прощеніе въ своей винѣ, предлагаетъ жениться на ней, чтобы исправить сдѣланное ей зло или, по крайней мѣрѣ, вознаградить ее за тѣ страданія, которыя она перенесла по его винѣ, наконецъ, сообщаетъ ей о своемъ намѣреніи сопровождать ее въ Сибирь.

Съ точки зрѣнія наивнаго эгоизма гг. Нехлюдовыхъ стоитъ только Масловой воспользоваться этимъ предложеніемъ, стоитъ только ей выйти замужъ за князя Дмитрія Ивановича Нехлюдова и реабилитація ея совершена вполнѣ: забыто навсегда и то страшное позорное утро, когда онъ сунулъ за пазуху обезчещенной имъ дѣвушкѣ скомканную сторублевую ассигнацію (это была тоже реабилитація своего рода); забыта и та темная осенняя, дождливая и вѣтреная ночь, когда Катюша въ безумномъ отчаяніи бѣжала за поѣздомъ, въ которомъ беззаботно и весело ѣхалъ ея оболъститель, и порывистый вѣтеръ срывалъ съ нея платокъ и облѣплялъ платьемъ ея заплетающіяся ноги; должны быть забыты и навсегда вычеркнуты изъ памяти и всѣ послѣдующія десять лѣтъ ея непрерывнаго паденія и позора, когда она не разъ жалѣла о томъ, что не привела въ исполненіе въ ту страшную осеннюю ночь своего намѣренія броситься подъ колеса поѣзда.

Конечно, Маслова должна была выйти замужъ за Нехлюдова, хоть бы за тѣмъ, чтобы видѣть на лицѣ мужа постоянную краснорѣчивую надпись: «Посмотри, какъ я добродѣтеленъ! Положимъ, я былъ виноватъ передъ тобой, но зато какъ я загладилъ свою вину, какъ громадна принесенная мною жертва, какъ великъ, какъ высокъ совершенный мною подвигъ самоотверженія!»

Въ своемъ наивномъ, непредѣльномъ эгоизмѣ гг. Нехлюдовы не могутъ себѣ представить, что на подобную реабилитацію возможно смотрѣть съ другой точки зрѣнія. Они думаютъ, что всякое зло, какъ бы велико оно ни было, можно искупить раскаянiемъ. Но раскаянiе важно только для тѣхъ, кто совершилъ зло, потому что оно снимаетъ тяжесть съ ихъ души, успокаивая встревоженную совѣсть. Поэтому, сознавъ свою вину и раскаявшись, Нехлюдовъ «почувствовалъ не только свободу, бодрость и радость жизни» *), но даже могъ записать въ своемъ дневникѣ: «мнѣ очень хорошо, радостно на душѣ» **).

Но своимъ раскаянiемъ могъ ли онъ пробудить тѣ же чувства въ душѣ своей жертвы? Могла ли Маслова, только потому, что князь Нехлюдовъ раскаялся и собирается искупить свою вину, могла ли она почувствовать также «свободу, радость и бодрость

*) Соч. Толст. XVI т., 150.

**) Ibid., 188.

жизни», могла ли и она сказать по этому поводу: «мнѣ очень хорошо, радостно на душѣ»? Развѣ могла эта падшая, опозоренная женщина, эта каторжная, чувствовать свободу, бодрость и радость жизни, сидя въ острогѣ за несодѣянную вину и ожидая высылки на каторгу? Какое было ей дѣло до раскаянія князя Нехлюдова? Развѣ оно могло сдѣлать ее той чистой, жизнерадостной дѣвушкой, какой она была до знакомства съ Нехлюдовымъ? Что же могло дать ей это позднее раскаяніе? Не даромъ же говорить народная мудрость: снявши голову, по волосамъ не плачуть. Какая ужъ тутъ реабилитація!

Именно такъ и взглянула Маслова на предложеніе князя Нехлюдова. Сначала она поражена, но уже смутно чувствуетъ фальшивую ноту, звучащую въ этомъ предложеніи. Товарки ея по острогу указываютъ ей практическія выгоды, которыя можно извлечь изъ прихоти богатаго барина. «Ну, дѣвка, заживешь теперь, — говорила Кораблева Масловой, когда она вернулась въ камеру. — Видно, здорово въ тебя втреснувши, не зѣвай, пока онъ ѣздитъ. Онъ выручитъ. Богатымъ людямъ все можно.

«— Это какъ есть, — пѣвучимъ голосомъ говорила сторожиха. — Бѣдному жениться и ночь коротка, а богатому только задумалъ, загадалъ — все тебѣ какъ пожелалъ, такъ и сбудется» *). Но здоровая натура

*) Соч. Толст. т. XVI, стр. 160, 161.

Масловой возмущается противъ такого взгляда на дѣло. Очевидно, грязь, въ которой она купалась въ теченіе десяти лѣтъ, пристала къ ней только снаружи и не успѣла загрязнить и развратить ея внутренняго «я», которое страстно возстаетъ противъ такого компромисса.

Напрасно старается она залить виномъ противорѣчіе между ея внутреннимъ убѣжденіемъ и тѣмъ, чего требуютъ отъ нея окружающіе ее люди: ея оскорбленное чувство человѣческаго достоинства бурно прорывается наружу. Подъ вліяніемъ вина она рѣзко высказываетъ Нехлюдову, что не хочетъ служить еще разъ объектомъ для его эгоистическихъ экспериментовъ. Сначала онъ воспользовался ея неопытностью для своихъ животныхъ вожделѣній и бросилъ ее на другой же день, какъ негодную тряпку; теперь она снова ему понадобилась для удовлетворенія его нравственныхъ запросовъ, возникшихъ на мистической основѣ: теперь посредствомъ нея онъ хочетъ возстановить нарушенное равновѣсіе души, «спасти свою душу». Но она никогда не доставитъ ему этого удовольствія; она не только не желаетъ носить имя его жены, но прямо объявляетъ ему, что ненавидитъ его: «Противень ты мнѣ, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя», говоритъ она ему.

Это объясненіе Масловой съ Нехлюдовымъ настолько важно для подтвержденія моей мысли, что

я привожу здѣсь всю эту сцену во всей ея потрясающей, художественной правдивости и простотѣ:

«— Я говорилъ, что пришелъ просить васъ простить меня,—сказалъ онъ.

— Ну что, все простить, простить, ни къ чему это... вы лучше...

— Что я хочу загладить свою вину, — продолжалъ Нехлюдовъ, — и загладить не словами, а дѣломъ. *Я рѣшилъ* (это «рѣшилъ» прелестно!) жениться на васъ.

Лицо ея вдругъ выразило испугъ. Косые глаза ея, остановившись, смотрѣли и не смотрѣли на него.

— Это еще зачѣмъ понадобилось?—проговорила она, злобно жмурясь.

— Я чувствую, что я передъ Богомъ долженъ сдѣлать это.

— Какого еще Бога тамъ нашли? Все вы не то говорите. Бога? Какого Бога? Вотъ вы бы тогда помнили Бога,—сказала она и, раскрывъ ротъ, остановилась.

Нехлюдовъ только теперь почувствовалъ сильный запахъ вина изъ ея рта и понялъ причину ея возбужденія.

— Успокойтесь,—сказалъ онъ.

— Нечего мнѣ успокаиваться. Ты думаешь, я пьяна? Я и пьяна, да помню что говорю, — вдругъ быстро заговорила она и вся багрово покраснѣла:—

я—каторжная, а вы—баринъ, князь, и нечего тебѣ со мной мараться. Ступай къ своимъ княжнамъ...

— Какъ бы жестоко ты не говорила, ты не можешь сказать того, что я чувствую, — весь дрожа, тихо сказалъ Нехлюдовъ:—не можешь себѣ представить, до какой степени я чувствую свою вину передъ тобою!..

— Чувствую вину...— злобно передразнила она.— Тогда не чувствовалъ, а сунулъ 100 рублей. Вотъ—твоя цѣна...

— Знаю, знаю, но что же теперь дѣлать?—сказалъ Нехлюдовъ.—Теперь *я рѣшилъ*, что не оставляю тебя,—повторилъ онъ,—и что сказалъ, то сдѣлаю.

— А я говорю не сдѣлаешь!—проговорила она и громко засмѣялась.

— Катюша!..—началъ онъ.

— Уйди отъ меня! Я — каторжная, а ты—князь, и нечего тебѣ тутъ быть,—вскрикнула она, вся преобращенная гнѣвомъ, вырывая у него руку. — Ты мной хочешь спастись, — продолжала она, торопясь высказать все, что поднялось въ ея душѣ.— Ты мной въ этой жизни услаждался, мной же хочешь и на томъ свѣтѣ спастись! Противень ты мнѣ, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты!—закричала она, энергическимъ движеніемъ вскочивъ на ноги...» *)

*) Соч. Толст. XVI т., стр. 234 и 235.

«— Ты не вѣришь мнѣ,—сказалъ онъ.

— Что вы жениться хотѣли — не будетъ этого никогда. Повѣшусь скорѣе! Вотъ вамъ.

— Я все-таки буду служить тебѣ.

— Ну, *это ваше дѣло*. Только мнѣ отъ васъ ничего не нужно. Это я вѣрно вамъ говорю,—сказала она.—И зачѣмъ я не умерла тогда,—прибавила она, и заплакала жалостнымъ плачемъ» *).

Но для князя Нехлюдова, смотрящаго на міръ сквозь призму собственнаго глубокаго эгоизма, эти слова Масловой — на неизвѣстномъ ему языкѣ. Его вѣчно колеблющаяся натура, воспитавшаяся, сложившаяся и живущая среди постоянныхъ реабилитацій и компромиссовъ, не въ состояніи понять подобной прямолинейности. «Вы теперь возбуждены, — говоритъ онъ.—Если можно будетъ, я завтра пріѣду. А вы подумайте»**).

Проспавшись, правда, Маслова почувствовала раскаяніе въ томъ, что такъ грубо обошлась съ Нехлюдовымъ, но онъ ничего отъ этого не выигралъ: рѣшеніе ея осталось неизмѣннымъ. «Простите меня, Дмитрій Ивановичъ, я не хорошо говорила третьего дня.

— Не мнѣ прощать васъ... — началъ было Нехлюдовъ.

*) Ibid., p. 236.

**) Ibid., p. 236.

— Но только все-таки вы оставьте меня,—прибавила она, и въ страшно скосившихся глазахъ, которыми она взглянула на него, Нехлюдовъ прочелъ опять напряженное и злое выраженіе.

— Зачѣмъ же мнѣ оставить васъ?

— Да ужъ такъ.

— Отчего такъ?

Она посмотрѣла на него опять тѣмъ же, какъ ему показалось, злымъ взглядомъ.

— Ну, такъ вотъ что,—сказала она.—Вы меня оставьте, это я вамъ вѣрно говорю. *Не могу я.* Вы это совсѣмъ оставьте,—сказала она дрожащими губами и замолчала.—Это вѣрно. Лучше повѣшусь...

— Катюша, какъ я сказалъ, такъ и говорю,—произнесъ онъ особенно серьезно.—Я прошу тебя выйти за меня замужъ. Если же ты не хочешь, и пока не хочешь, я такъ же, какъ и прежде, буду тамъ, гдѣ ты будешь, и поѣду туда, куда тебя повезутъ.

— Это ваше дѣло, я больше говорить не буду,—сказала она, и опять губы ея задрожали» *).

Маслова сдержала свое слово. Но Нехлюдовъ не могъ повѣрить, что она говорить серьезно: онъ не въ силахъ былъ даже представить себѣ, чтобы что-нибудь могло противиться его желаніямъ и намѣ-

*) Сочин. Толстого, т. XVI, стр. 277.

реніямъ. Для этого онъ былъ слишкомъ избалованъ жизнью. «Это твоя воля», говоритъ онъ, любуясь своимъ самоотверженіемъ, «ты можешь принять теперь или не принять моего предложенія, но это не помѣшаетъ мнѣ служить тебѣ и послѣдовать за тобою, потому что *я рѣшилъ* жениться на тебѣ, *рѣшилъ*, что не оставляю тебя». Какая воля въ самомъ дѣлѣ могла противиться, если ужъ князь Нехлюдовъ рѣшилъ. Развѣ возможно, чтобы Маслова отказалась отъ чести быть княгиней Нехлюдовой? «Если же ты не хочешь, и *пока не хочешь*», говоритъ Нехлюдовъ, подразумѣвая, что Маслова только *пока* не хочетъ быть его женой, но потомъ непременно выйдетъ за него замужъ, «я такъ же, какъ и *прежде*, буду тамъ, гдѣ ты будешь»... Это «прежде» интересно: увлекшійся Нехлюдовъ воображаетъ, что онъ и прежде не оставлялъ Маслову, слѣдовательно и въ предшествовавшія десять лѣтъ ея позора былъ тамъ же, гдѣ была она...

Впрочемъ, Маслова была женщина, еще болѣе — русская женщина. Ея ненависть не могла быть упорна и безжалостна. Она не могла вступить въ близкія отношенія съ человѣкомъ, который поступилъ съ нею такъ низко, такъ безчеловѣчно; ея нравственное чувство не позволяло ей быть его женою даже по имени; но натура ея была слишкомъ доброжелательна, слишкомъ женственна, чтобы совсѣмъ

оттолкнуть отъ себя человѣка, который въ хлопотахъ и заботахъ о ней находилъ успокоеніе своей взволнованной совѣсти. Не даромъ авторъ, говоря о ней, нѣсколько разъ указываетъ, какъ на особенную черту Масловой, на всегдашнюю готовность, выражавшуюся въ ея слегка косившихъ глазахъ и во всемъ лицѣ,—готовность сдѣлать что-нибудь пріятное для всякаго, съ кѣмъ бы ни свела ее судьба. «Маслова быстрымъ движеніемъ встала и съ выраженіемъ готовности, выставляя свою высокую грудь, не отвѣчая, глядѣла прямо въ лицо предсѣдателя своими улыбающимися и немного косящими черными глазами». *) «...Особенность эта, милая, исключительная особенность, была въ этомъ лицѣ, въ губахъ, въ немного косившихъ глазахъ и, главное, въ этомъ наивномъ улыбающемся взглядѣ и въ выраженіи готовности не только въ лицѣ, но и во всей фигурѣ» **).

Благодаря этой готовности, этому присущему ея натурѣ доброжелательству, она не припятствуетъ Нехлюдову заботиться о ней, соглашается подписать кассационную жалобу и прошеніе на Высочайшее имя, хотя не вѣритъ въ успѣхъ ни того, ни другого, переходитъ, по желанію Нехлюдова, сидѣлкою въ лазаретъ и затѣмъ соглашается на помѣщеніе ея вмѣстѣ съ политическими. Она понимаетъ, что все

*) Сочин. Толстого, т. XVI, стр. 44.

**) Ibid., p. 45.

это приносить Нехлюдову нравственное удовлетвореніе,—зачѣмъ же лишать человѣка этого удовольствія? Зачѣмъ безъ нужды оскорблять его, отталкивая его услуги? Она дѣлаетъ даже больше. Чтобы доставить Нехлюдову это нравственное удовлетвореніе, побуждаемая своимъ обычнымъ доброжелательствомъ къ окружающимъ ее людямъ, она предоставляет ему случаи сдѣлать доброе дѣло, прося его похлопотать о томъ или другомъ арестантѣ, незаслуженно несущемъ свое наказаніе.

При этомъ необходимо обратить вниманіе на другую характеристическую черту Масловой: за себя она никогда не проситъ, — она проситъ только за другихъ. Только разъ, по привычкѣ, привитой ея прежней профессіей, и по совѣту подругъ по заключенію, она взяла у Нехлюдова 10 рублей на вино, но это было еще до ихъ объясненія, когда она смотрѣла еще на него такъ же, какъ и на всякаго другого мужчину, имѣющаго въ ней извѣстную надобность. «Теперь этотъ чисто одѣтый, выхоленный господинъ съ надушенной бородой былъ для нея не тотъ Нехлюдовъ, котораго она любила, а только одинъ изъ тѣхъ людей, которые, когда имъ нужно было, пользовались такими существами, какъ она, и которыми такіе существа, какъ она, должны были пользоваться, какъ можно для себя выгоднѣе» *).

*) Сочин. Толстого, т. XVI, стр. 209.

«— Катюша! я пришелъ къ тебѣ просить прощенія, а ты не отвѣтила мнѣ, простила ли ты меня, простишь ли ты меня когда-нибудь, — сказалъ онъ, вдругъ переходя на *ты*».

«Она не слушала его, а глядѣла то на его руку, то на зрителя. Когда зритель отвернулся, она быстро протянула къ Нехлюдову руки, схватила бумажку и положила за поясъ».

«— Чудно, что говорите, — сказала она, презрительно, какъ ему показалось, улыбаясь» *).

«— Прощайте, мнѣ еще много нужно сказать вамъ, но, какъ видите, теперь нельзя, — проговорилъ Нехлюдовъ и протянулъ руку. — Я приду еще.

— Кажется, все сказали...

Она подала руку, но не пожала.

— Нѣтъ, я постараюсь видѣться съ вами еще, гдѣ бы можно переговорить, и тогда скажу очень важное, что нужно сказать вамъ, — проговорилъ Нехлюдовъ.

— Что же, приходите, — сказала она, улыбаясь той улыбкой, которой улыбалась мужчинамъ, которымъ хотѣла нравиться» **).

И, кромѣ этого случая, она никогда не обращалась къ нему съ просьбою за себя и просила только за другихъ. Во второе же свиданіе она просить его о

*) Сочин. Толстого, т. XVI, стр. 211—212.

**) Ibid, p. 213.

старушкѣ Меньшовой, несправедливо обвиняемой вмѣстѣ съ сыномъ въ поджогѣ. «Какая, знаете, старушка чудесная, видно сейчасъ, что понапрасну», говоритъ она. И Нехлюдовъ широко пользуется новою, не испытанною категоріей впечатлѣній. Онъ хлопочетъ у смотрителя острога, у вице-губернатора, совѣщается съ адвокатомъ, ѣдетъ въ Петербургъ, подаетъ кассационную жалобу въ сенатъ и прошеніе на Высочайшее имя; затѣмъ сопровождаетъ партію арестантовъ, въ которой идетъ Маслова, ѣдетъ въ Сибирь, посѣщаетъ этапы, гдѣ останавливается партія, набирается даже арестантскихъ вшей—и чувствуетъ себя отлично, такъ какъ новизна впечатлѣній еще не исчерпана, моментъ пресыщенія и новой «чистки души» еще за горами.

Впрочемъ, соблазны петербургскаго большого свѣта не прошли совсѣмъ безслѣдно для Нехлюдова. Его колеблющаяся натура не могла не поддаться отчасти разлагающему дѣйствию столичной жизни. «Вообще, Петербургъ, въ которомъ онъ давно не былъ, производилъ на него свое обычное физически-подбадривающее и нравственно-притупляющее впечатлѣніе: все такъ чисто, удобно, благоустроено, а главное,—люди такъ нравственно не требовательны, что жизнь кажется особенно легкой» *). Встрѣча съ

*) Сочин. Толстого, т. XVI, стр. 361.

Mariette, которая при первомъ же свиданіи напоминаетъ ему, что «онѣ съ сестрой даже въ него были влюблены», вызываетъ въ немъ чувство, отчасти похожее на раскаяніе въ принятомъ имъ рѣшеніи. «Въ эту ночь, когда Нехлюдовъ, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, легъ въ постель и потушилъ свѣчу, онъ долго не могъ заснуть. Когда онъ вспоминалъ о Масловой, о рѣшеніи сената и о томъ, что онъ все-таки рѣшилъ ѣхать за нею, о своемъ отказѣ отъ права на землю, ему вдругъ, какъ отвѣтъ на эти вопросы, представилось лицо Mariette: ея вздохъ и взглядъ, когда она сказала: «когда я васъ увижу опять», и ея улыбка—съ такою ясностью, что онъ какъ будто видѣлъ ее и самъ улыбнулся. «Хорошо ли я сдѣлаю, уѣхавъ въ Сибирь? И хорошо ли сдѣлаю, лишивъ себя богатства?»—спросилъ онъ себя...

«А вдругъ все это я выдумалъ и не буду въ силахъ жить этимъ: раскаюсь въ томъ, что я поступилъ хорошо»,—сказалъ онъ себѣ и, не будучи въ силахъ отвѣтить на эти вопросы, онъ испыталъ такое чувство тоски и отчаянія, какого онъ давно не испытывалъ, и заснулъ тѣмъ тяжелымъ сномъ, которымъ онъ, бывало, засыпалъ послѣ большого карточного проигрыша» *).

Но толчокъ, полученный имъ на судѣ, при осужденіи Масловой, еще продолжалъ дѣйствовать въ силу

*) Ibid., pp. 406, 407.

инерціи, и рѣшеніе его ѣхать за Катюшей въ Сибирь восторжествовало.

Третья часть «Воскресенія» такъ коротка въ печати, что представляетъ собою только эскизъ того, что хотѣлъ сказать Л. Н. Толстой въ этой части. Отношенія Масловой къ политическимъ, съ которыми она помѣщена по ходатайству Нехлюдова, только намѣчены. О томъ, какое нравственное вліяніе произвели эти отношенія на Маслову, не сказано ничего, и передъ читателемъ открыто, такимъ образомъ, цѣлое поле для догадокъ. Но судя по тѣмъ немногимъ штрихамъ, которыми очерчена Маслова въ послѣдней части, можно заключить довольно опредѣленно, что въ ней не проявилось ничего новаго.

Физическое отвращеніе къ отношеніямъ съ мужчинами, общее въ ней съ политической, которую Толстой надѣляетъ «бараньими» глазами, въ Масловой не ново, такъ какъ она чувствовала его и раньше, тяготясь ремесломъ проститутки. На это есть указанія автора, какъ Маслова съ двумя подругами, на масленицѣ, уговаривалась бросить свою профессію. «Теперь только она живо вспомнила всѣ эти ужасныя ночи и особенно одну на масленицѣ. Вспомнила она, какъ она въ открытомъ, залитомъ виномъ, красномъ шелковомъ платьѣ, съ краснымъ бантомъ въ спутанныхъ волосахъ, измученная, ослабѣвшая и опьяненная, проводивши гостей, къ двумъ часамъ

ночи, подсѣла въ промежутокъ танцевъ къ худой, костлявой, прыщеватой аккомпаніаторшѣ скрипача и стала жаловаться ей на свою тяжелую жизнь, и какъ эта аккомпаніаторша тоже говорила, что тяготится своимъ положеніемъ и хочетъ переимѣнить его, и какъ къ нимъ подошла подруга Клара, и какъ онѣ вдругъ рѣшили всѣ три бросить эту жизнь. Онѣ хотѣли расходиться, какъ вдругъ зашумѣли пьяные гости. Скрипачъ сыгралъ ригурнель, аккомпаніаторша заколотила на піанино аккомпанементъ развеселой русской пѣсни первой фигуры кадрили, маленькій пьяный человѣкъ въ бѣломъ галстукѣ и фракѣ подхватилъ ее, и другой толстякъ съ бородой, тоже во фракѣ, подхватилъ Клару и они долго вертѣлись, плясали, кричали, пили... И такъ шло годъ, и два, и три. Какъ же не измѣниться! (Маслова передъ этимъ разсматривала свою раннюю, дѣвическую фотографію, привезенную ей Нехлюдовымъ изъ деревни). И причиной этого всего былъ онъ. И въ ней вдругъ поднялось прежнее озлобленіе къ нему, захотѣлось бранить, упрекать его. Она жалѣла, что упустила случай нынче высказать ему еще разъ, что она знаетъ его и не поддастся ему, не позволить ему духовно воспользоваться ею, какъ онъ воспользовался ею тѣлесно, не позволить ему сдѣлать ее предметомъ своего великодушія» *).

*) Сбчин. Толстого, т. XVI, 349—350.

Объ этомъ же чувствѣ отвращенія упоминаетъ авторъ, рассказывая о приставаши къ Масловой арестантовъ, фельдшера и другихъ лицъ, знавшихъ ея прошедшее.

Затѣмъ, въ отзывчивости, съ которою Маслова входитъ въ интересы политическихъ и другихъ арестантовъ, убирая этапную каморку, суша пледъ для чахоточнаго Крыльцова, неся на рукахъ дѣвочку, которую конвойному офицеру вздумалось отнять у отца,—во всемъ этомъ также нѣтъ ничего новаго: это простое, артельное чувство, присущее болѣе или менѣе каждому члену артели, это та самая *готовность*, которую подчеркиваетъ авторъ въ началѣ романа, описывая Маслову. Наконецъ, рѣшительный отказъ Масловой выйти замужъ за князя Нехлюдова опять-таки не представляетъ ничего новаго: мы видѣли, что это рѣшеніе созрѣло въ Масловой раньше, видѣли, какъ оно созрѣло и почему.

Нѣсколько ново является для насъ рѣшеніе Масловой выйти замужъ за Симонсона и слѣдовать за нимъ въ каторгу, отказавшись такимъ образомъ отъ помилованія, выразившагося въ замѣнѣ ей каторги ссылкой. Но если вдуматься въ это рѣшеніе, то и въ немъ не окажется ничего неожиданнаго. Согласившись на замѣну каторги ссылкой на поселеніе, Маслова необходимо должна была разстаться съ артелью политическихъ, съ которою она сжилась въ

теченіе четырехмѣсячнаго пути черезъ Сибирь, и поневолѣ принять покровительство Нехлюдова, которое ей было тягостно, но безъ котораго она не могла бы тогда обойтись. Замужество съ любившимъ ее Симонсономъ, прямолинейный характеръ котораго, нѣсколько схожій съ ея собственнымъ, она не могла не оцѣнить, разомъ разрѣшало оба эти вопроса: дѣлало ее равноправнымъ членомъ артели политическихъ и освобождало отъ покровительства и гнетущихъ добродѣтелей Нехлюдова.

По словамъ автора, Нехлюдовъ иначе объяснялъ себѣ поступокъ Масловой. Основываясь на томъ, что, говоря съ нимъ, Маслова часто краснѣла, онъ заключилъ, что она полюбила его и только изъ чувства самоотверженія, не желая связывать его свободу, она рѣшилась на такой шагъ, который сразу освобождалъ ее отъ тѣхъ отношеній, какія онъ считалъ себя обязаннымъ поддерживать съ ней въ искупленіе своей вины передъ нею. Съ точки зрѣнія того наивнаго эгоизма, который весь міръ разсматриваетъ только въ интересахъ своего собственнаго «я», Нехлюдовъ, пожалуй, и не могъ додуматься до иного объясненія. Но если бы онъ могъ встать на другую точку зрѣнія, онъ понялъ бы, что Маслова краснѣла передъ нимъ вовсе не потому, что любила его, а потому, что, говоря съ нимъ, она невольно припоминала, какая она была прежде, до

сближенія съ Нехлюдовымъ, и какая сдѣлалась теперь, благодаря этому сближенію. Какъ дѣйствовали на нее эти воспоминанія, мы уже видѣли изъ сцены съ фотографической карточкой. Эта сцена краснорѣчиво доказываетъ, что Маслова не могла ни забыть своего позора, ни простить его виновнику, несмотря на все его дѣланное великодушіе и самоотверженіе. Такое страшное поруганіе человѣческаго достоинства не прощается, и тѣмъ болѣе, когда, въ долгіе годы позора и паденія, это опозоренное существо сумѣетъ сберечь въ себѣ душу живую. Маслова могла не думать объ этомъ, то-есть усиленіемъ воли заставить себя не думать, но забыть и примириться съ этимъ не могла никогда.

Не споримъ, можетъ быть, на днѣ души Масловой еще теплилась слабая искра любви къ Нехлюдову, не совсѣмъ еще поглощенная ненавистью и злобой къ виновнику ея гибели, теплилась, потому что женщины не забываютъ своей первой любви; быть можетъ, настойчивость Нехлюдова въ намѣреніи жениться на Масловой льстила ея самолюбію и даже радовала ее; весьма возможно, что отказъ Нехлюдова отъ этого намѣренія огорчилъ бы ее. Все это вполне понятно: вѣдь она была тоже женщина и у нея также было самолюбіе. Но тотъ фактъ, что она нисколько не уважала Нехлюдова, не довѣряла ему и относилась къ нему, какъ взрослый человѣкъ

къ недорослю, предоставляя ему забавляться новыми для него ощущеніями, не подлежить никакому сомнѣнію для всякаго, кто внимательно и вдумчиво прочиталъ романъ Толстого. Она даже ни разу не говорила съ нимъ откровенно о своемъ положеніи, какъ говорила, напимѣрь, со своими товарками по острогу, ни разу не обмолвилась передъ нимъ о томъ, что она думаетъ, чувствуетъ, что лежатъ у нея на душѣ. Она замкнулась передъ нимъ, какъ улитка въ своей раковинѣ, она настолько не вѣритъ въ него, что въ сношеніяхъ съ нимъ она вѣчно насто-рожѣ. Развѣ такъ выражается любовь? Это скорѣе два враждебные лагеря.

Во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что Масло-ва иногда краснѣла, говоря съ Нехлюдовымъ, го-раздо проще, чѣмъ любовью къ нему, можно объ-яснить тѣмъ, что она совѣстилась принимать его услуги, стыдилась, послѣ того, что произошло между ними, быть ему обязанною. Наконецъ, повторяю еще разъ, Нехлюдовъ постоянно напоминалъ ей тотъ ро-ковой моментъ въ ея жизни, который она хотѣла бы забыть навсегда; онъ заставлялъ ее невольно сравнивать, чѣмъ она была передъ тѣмъ, какъ ночью отворила ему дверь своей комнаты, и чѣмъ она стала потомъ, и потому немудрено, что при этомъ срав-неніи всякій разъ краска стыда горячей волной за-ливала ей лицо.

Но какъ бы ни объяснялъ себѣ Нехлюдовъ отказъ Масловой выйти за него замужъ, несомнѣнно то, что рѣшеніе Масловой, даже несмотря на предварительный разговоръ по этому предмету съ Симонсономъ, произвело на него подавляющее впечатлѣніе.

Обогнавъ партію арестантовъ по пути ея слѣдованія въ губернскій городъ, резиденцію генераль-губернатора, обобравъ арестантскихъ вшей, вымывшись и переодѣвшись, онъ чувствуетъ себя въ благодушномъ настроеніи человѣка, опять попавшаго въ среду, соотвѣтствующую его соціальному положенію и привычкамъ. Это благодушное настроеніе еще усиливается обѣдомъ у генераль-губернатора въ той роскошной обстановкѣ, къ которой Нехлюдовъ привыкъ съ дѣтства; любимая соната Бетховена, которую играетъ генераль-губернаторша, спящія дѣти, которыхъ показываетъ ей замужняя дочь, заманчиво рисуютъ передъ нимъ картины семейной жизни, какая и для него могла бы сдѣлаться возможной, если бы онъ женился на дѣвушкѣ своего круга, на примѣръ, на княжнѣ Мисси.

Но онъ гонитъ отъ себя соблазнительныя картины семейнаго счастья въ роскошной, эстетической обстановкѣ, картины, совращающія его съ тернистаго пути добродѣтели, и ѣдетъ въ острогъ сопровождать любознательнаго англичанина, который путе-

шествуетъ по Сибири, говоря проповѣди по острогамъ и раздавая арестантамъ евангелія. Разговоръ съ Масловой, сообщающей ему свое рѣшеніе отказаться отъ помилованія (то-есть отъ замѣны каторги ссылкой на поселеніе) и слѣдовать за Симонсономъ въ каторгу, до того поражаетъ Нехлюдова, что зрѣлище нѣсколькихъ сотъ арестантовъ, задыхающихся въ душныхъ камерахъ острога, гдѣ свирѣпствуетъ тифъ, посѣщеніе мертвецкой, гдѣ, въ числѣ другихъ, онъ находитъ трупъ чахоточнаго Крыльцова, котораго онъ только наканунѣ видѣлъ живымъ,—всѣ эти страшныя картины, достойныя Дантова ада, какъ въ туманѣ, проходятъ въ его сознаніи, поглощенномъ уже начавшимся внутреннимъ процессомъ исканія новаго жизненнаго пути, въ замѣну стараго, разбитаго рѣшеніемъ Масловой, опрокинувшимъ, подобно внезапному землетрясенію, тотъ карточный домикъ, который въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ созидалъ на пескѣ.

Вотъ еще психологическая черта въ характеристикѣ Нехлюдовыхъ, на которой слѣдуетъ остановиться. Эта черта вскрываетъ передъ нами тотъ глубокий, безграничный эгоизмъ, присущій типу Нехлюдовыхъ, эгоизмъ, который заслоняетъ весь міръ и все существующее приводитъ къ одному знаменателю—къ ихъ собственному «я». Тамъ, гдѣ замѣшано это всепоглощающее «я», страданія сотенъ

другихъ человѣческихъ существъ ничего не значать и проходить для Нехлюдовыхъ совершенно незамѣченными. Со стороны можетъ показаться, что они интересуются участію своихъ ближнихъ, сочувствуютъ ихъ горю, желаютъ облегчить ихъ страданія: они дарятъ ненужныя земли крестьянамъ, хлопчутъ за невинно осужденныхъ, сознають свою вину и не прочь искупить ее самопожертвованіемъ, но все это дѣлають они только потому, что въ данный моментъ имъ такъ нравится, потому, что ихъ личное «я» находитъ въ этомъ извѣстное удовлетвореніе. Но проходитъ порывъ, измѣняется настроеніе, заслоняется другимъ порывомъ—и все, чему они только что сочувствовали, чѣмъ волновались, о чемъ хлопотали, чему хотѣли даже пожертвовать собою,—все это мгновенно становится для нихъ чуждымъ, далекимъ, неинтереснымъ, какъ та же Катюша, объявившая, что она выходитъ замужъ за Симонсона, становится для Нехлюдова чуждою, далекою и его уже нисколько не интересуетъ, какъ та женщина, для которой онъ только что собирался пожертвовать собою, какъ она будетъ жить на каторгѣ, какъ будетъ безвинно нести не заслуженную кару, въ которой онъ самъ же былъ главнымъ виновникомъ.

Въ острогѣ передъ Нехлюдовымъ «холодные, голодные, праздные, зараженные болѣзнями, опозоренные, запертые люди показывались, какъ дикіе

звѣри» *), но Нехлюдовъ, какъ дитя, у котораго вдругъ отняли любимую игрушку, ничего не хочетъ ни видѣть, ни слышать и думаетъ только объ этой, утраченной игрушкѣ. Пусть люди мучатся, страдаютъ, умираютъ у него на глазахъ, онъ думаетъ не о нихъ, а о себѣ, о своей не удавшейся фантазіи, которая вдругъ разлетѣлась, какъ мыльный пузырь; онъ думаетъ о томъ, какъ теперь быть, чѣмъ замѣнить эту фантазію, откуда взять новую, которая въ будущемъ заняла бы его праздное время. Имѣя доступъ къ генераль-губернатору, онъ могъ бы рассказать ему о томъ, что видѣлъ въ острогѣ, могъ бы вызвать его состраданіе къ несчастнымъ, страдающимъ людямъ, могъ бы попытаться при его посредствѣ облегчить эти страданія,—но ему уже нѣтъ до этого никакого дѣла: Катюша ему отказала и «ему вдругъ сдѣлалось не только стыдно, но и безнадежно»**), «не только было стыдно, но было жалко»***). Началась внутренняя ломка, предшествующая исканію новаго пути. Поглощенный этимъ процессомъ, онъ уѣзжаетъ изъ острога и, запершись въ номерѣ гостиницы, занимается рѣшеніемъ вопроса: что ему дѣлать теперь? «Дѣло съ Катюшей было кончено. И кончено

*) Соч. Толстого. XVI, ч. III, стр. 99.

**) Ib., p. 94.

***) Ib., p. 93.

не хорошо. Было что-то стыдное въ воспоминаніи объ этомъ» *), говорить авторъ.

Однако почему же Нехлюдову стало вдругъ стыдно? А ему сдѣлалось стыдно, и не только стыдно, но и жалко, и безнадежно. Но въ особенности—стыдно: Л. Н. Толстой особенно подчеркиваетъ это «стыдно», три раза повторяя его въ заключеніи своего романа. Не мѣшаетъ поэтому подробнѣе рассмотреть причины, по которымъ Нехлюдову могло сдѣлаться стыдно.

Со встрѣчи съ Катюшей на судѣ и до конца романа Нехлюдовъ не сдѣлалъ ничего такого, что могло бы въ немъ вызвать этотъ стыдъ. Правда, онъ разорвалъ съ Марьей Васильевной, обманувъ надежды Мисси, обѣщавъ отдать землю крестьянамъ и не отдавъ. Но Марья Васильевна, заводящая интрижки съ друзьями своего мужа, вѣроятно, скоро утѣшилась; для Мисси это нѣсколько труднѣе, но и она тоже довольно опытна и сумѣетъ за себя постоять; а крестьяне—какое же они имѣютъ право на земли Нехлюдова, унаслѣдованныя имъ отъ предковъ? Во всемъ этомъ нѣтъ ничего стыднаго. Напротивъ, Нехлюдовъ еще совершаетъ добрыя дѣла, хлопочетъ о Масловой, Меньшовой, Шустовой, даже находитъ въ себѣ силы устоять передъ Mariette, и не только

*) Ib. p. 101.

передъ Mariette, даже передъ той знакомой незнакомкой, которую онъ обогналъ на Невскомъ... Вѣдь это все положительныя заслуги! И между тѣмъ Нехлюдову все-таки стыдно, и сдѣлалось стыдно именно тогда, когда Катюша ему отказала. Ужъ не въ этомъ ли отказѣ и скрывается причина, по которой Нехлюдову вдругъ стало такъ стыдно? Посмотримъ.

До этихъ поръ постоянно такъ случалось, что какъ только люди надоѣдали Нехлюдову или дѣлались ему ненужными, онъ хладнокровно отшвыривалъ ихъ отъ себя, совсѣмъ не интересуясь, какъ это на нихъ отзовется, и преспокойно искалъ себѣ новыхъ путей жизни. Такъ поступилъ онъ прежде съ Катюшей, съ Марьей Васильевной, съ Мисси и, вѣроятно, со множествомъ людей, которыхъ, при новой полосѣ жизни, считалъ для себя ненужными и лишними. Эта теорія выжатаго и затѣмъ брошеннаго лимона такъ сроднилась съ эгоистическимъ міровоззрѣніемъ Нехлюдова, что онъ находилъ все это совершенно въ порядкѣ вещей. И вотъ, вдругъ нашелся такой человѣкъ, который отшвырнулъ его самого, князя Нехлюдова, отшвырнулъ, какъ негодную тряпку, и ему въ первый разъ въ жизни пришлось испытать на себѣ никогда еще не испытанные имъ состояніе выброшеннаго за бортъ человѣка! Какъ же ему, Нехлюдову, этому эгоисту до моз-

га костей, эгоисту *de pur sang*, приносившему все на жертву своему безграничному самолюбію, не почувствовать теперь стыда, жалости, безнадёжности и прежде всего — стыда, жгучаго стыда! Онъ, конечно, какъ не исправимый эгоистъ, сейчасъ же утѣшаетъ себя, что это сдѣлано Катюшей — только изъ любви къ нему: какъ же иначе она осмѣлилась бы это сдѣлать? Иначе невозможно! Но жалкая увертка оскорбленнаго самолюбія на этотъ разъ не помогаетъ: чувство стыда остается и непривычная краска стыда бросается ему въ лицо...

«Уставъ ходить,—говорить авторъ,—онъ сѣлъ на диванъ передъ лампой и машинально открылъ подаренное ему англичаниномъ Евангеліе. «Говорять, тамъ разрѣшеніе всего», подумалъ онъ и, открывъ Евангеліе, началъ читать тамъ, гдѣ открылось—Мѡ. XVIII глава. *Ищите царства Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ...* Такъ вотъ оно дѣло моей жизни. Только кончилось одно, началось другое. А я думалъ, что я одинокъ, и что мнѣ дѣлать нечего... «Съ этой почи началась для Нехлюдова совсѣмъ новая жизнь»,—заключаетъ авторъ свой романъ, обрывая его какъ разъ передъ новой «чисткой души» Нехлюдова, наканунѣ избранія имъ новаго пути жизни.

Романъ не даетъ отвѣта на вопросъ, въ чемъ будетъ состоять новый путь жизни, который избереть

себѣ Нехлюдовъ, и передъ читателями открывается широкое поле для догадокъ. Повидимому, Нехлюдовъ находитъ на этотъ разъ удовлетвореніе и успокоеніе для своей колеблющейся души въ религіозномъ чувствѣ, утрированномъ до мистицизма, и это совершенно похоже на Нехлюдовыхъ, такъ какъ въ концѣ-концовъ послѣ бурно прожитой жизни они всегда сворачиваютъ на этотъ путь и заканчиваютъ подобнымъ финаломъ. Нельзя только при этомъ не указать опять-таки на совершенную случайность этого новаго обращенія, явившагося результатомъ также совершенно случайнаго внѣшняго воздѣйствія. Нехлюдовъ обратился къ Евангелію только потому, что ему подарилъ его англичанинъ и оно случайно лежало на столѣ. Садясь на диванъ передъ лампой, онъ случайно его замѣтилъ и *машинально* открылъ его. «Говорятъ, тамъ разрѣшеніе всего», подумалъ онъ и началъ читать тамъ, гдѣ Евангеліе открылось. А что, если бы на столѣ передъ диваномъ лежала другая книга? Что было бы, если бы вмѣсто Евангелія англичанинъ подарилъ Нехлюдову «L'homme machine» Ла-Меттри или извѣстный романъ маркиза Де-Садъ—«Фоблазъ»? Въ какую сторону тогда послѣдовало бы обращеніе Нехлюдова?

Однако какой же жизненный путь изберетъ себѣ Нехлюдовъ? Кто же можетъ это предугадать! Мистицизмъ, даже доведенный до фанатизма, не исклю-

часть никакой жизненной карьеры. Быть может, Нехлюдовъ поступить снова въ военную службу, или примется за картину, на которой изобразить какую-нибудь купающуюся нимфу; наконецъ, можетъ быть, онъ женится на княжнѣ Мисси и, такимъ образомъ, обманетъ надежды своей сестры, дѣтямъ которой онъ обѣщалъ оставить въ наслѣдство свои 10.000 десятинъ. Кто знаетъ? Натура Нехлюдова такъ неустойчива, такъ доступна всевозможнымъ вѣшнимъ вліяніямъ, такъ колеблется изъ стороны въ сторону, что всѣ жизненные пути одинаково для нея возможны.

Одно только для насъ несомнѣнно, что, избирая какой-бы то ни было жизненный путь, Нехлюдовъ, вслѣдствіе присущей ему узкости міросозерцанія, способнаго охватить одновременно только одинъ извѣстный строй жизненныхъ явленій, подчиниться всецѣло только одной извѣстной категоріи впечатлѣній, Нехлюдовъ всякій разъ будетъ думать, что онъ нашелъ наконецъ настоящій жизненный путь, и будетъ чистосердечно удивляться, «какъ онъ раньше этого не видѣлъ, какъ этого не видятъ другіе люди». Такимъ образомъ, переходя изъ одной жизненной полосы въ другую, мѣняя одинъ жизненный путь на другой, производя послѣдовательно свои «чистки души», онъ будетъ такъ продолжать до самой мо-

гилы, которой завершится его бесполезное, никому ненужное существованіе.

Теперь, разсмотрѣвъ, насколько это позволяло время и мѣсто, характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ, мы подошли къ вопросу, выставленному въ заголовкѣ нашей книги, и становимся лицомъ къ лицу съ заданною авторомъ загадкой: кто же воскресъ въ романѣ «Воскресеніе»?

Посмотримъ же, кто въ самомъ дѣлѣ воскресъ: князь Нехлюдовъ или Катюша Маслова?

Конечно, не Маслова: ей нечего было воскресать, потому что искра Божія, вложенная ей въ душу при рожденіи, не потухала въ ней даже въ то время, когда, опозоренная и брошенная Нехлюдовымъ, она, въ отчаяніи, опустилась до того, что дошла до ремесла проститутки и, катясь все дальше по наклонной плоскости, докатилась до скамьи подсудимыхъ, до острога, до каторги. Что эта искра постоянно горѣла въ ней яркимъ пламенемъ, достаточно указать на приведенный нами выше эпизодъ на масленицѣ съ двумя ея подругами по ремеслу, на невѣроятное довѣріе къ ней купца, въ отравленіи котораго потомъ ее обвинили, на отзывъ о ней хозяйки, на то, какъ она держала себя на судѣ въ отношеніи дѣйствительныхъ виновниковъ преступленія, какъ относилась къ сотоварищамъ по заключенію, въ какія отношенія она поставила себя къ Нехлюдову и

какъ, наконецъ, отнеслась она къ политическимъ и Симонсону: все для другихъ и ничего для себя красною нитью проходить по всей, открытой намъ авторомъ жизни этой хорошей русской женщины.

Нѣтъ! Ей не нужно было воскресать, потому что воскресаютъ не живые, а мертвые. Да, наконецъ, и не въ Масловой самая суть въ романѣ. Она приведена авторомъ только какъ внѣшнее воздѣйствіе, какъ импульсъ къ новой «чисткѣ души» дѣйствительнаго героя романа, князя Нехлюдова, какъ объектъ, на который должны излиться накопившіяся въ его душѣ чувства великодушія и самоотверженія, какъ посторонній факторъ, при помощи котораго старый, надоѣвшій Нехлюдову путь жизни могъ быть замѣненъ для него новымъ жизненнымъ путемъ, новою полосой жизни, гдѣ герой романа, пресытившійся старою категоріей впечатлѣній, могъ найти рядъ новыхъ, еще не испытанныхъ ощущеній. О Масловой авторъ говоритъ только по пути и если посвящаетъ ей иногда отдѣльную маленькую главу, то только потому, что въ ней рѣчь идетъ о томъ же Нехлюдовѣ.

Въ отличіе отъ другихъ романовъ Толстого, романъ «Воскресеніе» совсѣмъ лишенъ эпизодичности. Въ романахъ «Война и миръ» и «Анна Каренина» авторъ безпрестанно эпизодически переходитъ отъ одного героя къ другому: то онъ паивничаетъ вмѣ-

стѣ съ Пьеромъ Безухимъ, то брюзжить со старикомъ Болхонскимъ, то сидитъ въ англійскомъ клубѣ съ графомъ Ростовымъ, то вмѣстѣ съ Багратиономъ отступаетъ отъ Вѣны или присутствуетъ при пожарѣ Москвы. Въ романѣ «Воскресеніе» такихъ эпизодовъ совсѣмъ нѣтъ. Авторъ слѣдитъ за Нехлюдовымъ шагъ за шагомъ, почти ни на мгновеніе не упуская его изъ виду. Онъ присутствуетъ при его туалетѣ, сопровождаетъ его въ судъ, на обѣдъ къ князю Корчагину, въ острогъ къ Масловой, къ адвокату, къ вице-губернатору. Если Нехлюдовъ ѣдетъ въ деревню, авторъ слѣдуетъ за нимъ; отправляется Нехлюдовъ въ Петербургъ, авторъ ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ; наконецъ, Нехлюдовъ ѣдетъ въ Сибирь, авторъ сопровождаетъ его и туда, переѣзжая съ нимъ отъ одного этапа къ другому. Весь остальной міръ отражается въ романѣ постольку, поскольку имѣетъ отношеніе къ Нехлюдову; мало того, онъ описывается именно такъ, какъ въ данный моментъ представляется самому Нехлюдову, подъ даннымъ угломъ его зрѣнія, въ той самой окраскѣ, которую сообщаетъ ему то или другое настроеніе Нехлюдова. Поэтому если въ романѣ идетъ рѣчь о чемъ-нибудь воскресеніи, то, конечно, о воскресеніи именно князя Нехлюдова.

Но воскресъ ли князь Нехлюдовъ? Если всю ту полосу его жизни, которая начинается встрѣчей его

на судѣ съ Катюшей Масловой и кончается одинокою «чисткой души» въ номерѣ сибирской гостиницы, считать воскресеніемъ, то мы должны всякую «чистку души» князя Нехлюдова, всякую перемѣну его жизненнаго пути считать также за особое воскресеніе. Въ такомъ случаѣ неустойчивая, вѣчно колеблющаяся натура князя Нехлюдова должна представляться намъ какимъ-то фениксомъ, вѣчно воскресающимъ изъ сжигающаго его огня, какимъ-то чуднымъ насѣкомымъ, вѣчно преобразующимся изъ одной формы въ другую, изъ гусеницы въ личинку, изъ личинки въ куколку, изъ куколки въ бабочку, изъ бабочки снова въ гусеницу и т. д.,—въ формы, то пресмыкающіяся по землѣ, то отрачивающія себѣ непрочныя крылья.

Уже по роману Толстого мы можемъ насчитать такихъ воскресеній князя Нехлюдова четыре; романъ кончается опять наканунѣ новаго перелома въ жизни героя, слѣдовательно, наканунѣ новаго воскресенія. А сколько ихъ, подобныхъ воскресеній, не отмѣчено въ романѣ и сколько ихъ будетъ потомъ? Самъ авторъ сознается, что «чистки души» у князя Нехлюдова были довольно часты. Но неужели же на самомъ дѣлѣ такія «чистки души», такія перемѣны *façon de vivre* мы можемъ назвать «воскресеніями»? Конечно, нѣтъ, потому что кто же можетъ поручиться за то, что князь Нехлюдовъ, у котораго, кажется, отрасли уже

крылья, не будетъ въ слѣдующій же моментъ пресмыкаться червякомъ?

Если воскресеніемъ должно считать совершенное нравственное перерожденіе человѣка, такое перерожденіе, при которомъ онъ, сознавъ всѣ свои прежнія ошибки и заблужденія, ужасается своихъ грѣховъ и пороковъ и, отрекшись отъ нихъ навсегда, начинаетъ новую, діаметрально противоположную жизнь, гдѣ нѣтъ болѣе мѣста этимъ ошибкамъ, грѣхамъ и порокамъ, гдѣ совершенно замѣщаютъ ихъ исключаютеліа ихъ добродѣтели, гдѣ невоздержность замѣняется воздержаніемъ, сладострастіе—цѣломудріемъ, жестокость—милосердіемъ, гордость—смирненіемъ, скупость и алчность—нестяжаніемъ, неправдой нажитое богатство—добровольный нищетой, то способны ли вообще Нехлюдовы къ подобному воскресенію? Способна ли ихъ слабая, увлекающаяся, вѣчно колеблющаяся натура къ такимъ безповоротнымъ перерожденіямъ, при которыхъ невозможны никакіе компромиссы съ прошлымъ, никакія потворства своимъ прежнимъ привычкамъ и страстямъ?

Нѣтъ, для такихъ полныхъ, безповоротныхъ перерожденій однѣхъ «чистокъ души» недостаточно и пусть Нехлюдовы забавляются своими «чистками души», не претендуя на воскресеніе. Все же въ этихъ «чисткахъ души», въ этихъ потугахъ стать выше и лучше сказывается недовольство тою ненор-

мальною жизнью, которую они осуждены вести, благодаря своему рожденію, воспитанію, привычкамъ и положенію въ свѣтѣ. Замѣшанные на сладкой водичкѣ эстетики, сдобренные молочкомъ добродѣтели, подобныя натуры способны только колебаться и производить чистки души; но все же въ этихъ чисткахъ души пробивается болѣе или менѣе здоровая струя, все же онѣ отвѣчаютъ на тѣ нравственные запросы, которые не успѣла еще совершенно заглушить ихъ праздная, бесполезная жизнь,—тѣ вѣчные запросы оскорбленной души, провести которые въ жизни мѣшаютъ имъ дряблые издерганные нервы, присущіе ихъ ослабленнымъ, извращеннымъ вѣковою праздною распушенностью натурамъ.

Но не для этихъ дряблыхъ натуръ доступно то перерожденіе, которое Толстой называетъ «воскресеніемъ»; оно возможно только для натуръ глубокихъ, цѣльныхъ съ непреклонною волей, привычной къ борьбѣ и побѣдѣ надъ препятствіями, съ сильнымъ, энергическимъ характеромъ, для котораго немислимы никакіе компромиссы, никакія сдѣлки съ пробудившеюся совѣстью. Когда сильное нравственное потрясеніе, если оно вдобавокъ, связао съ глубокими религіозными традиціями, поразить такую могучую, цѣльную натуру, оно дѣйствуетъ на нее, какъ животворящій ударъ грома, мгновенно очищающій спертый воздухъ и уничтожающій накопившіеся

въ немъ міазмы. Все, чѣмъ жила и дышала доселѣ эта могучая натура, всѣ ея заблужденія, ошибки, даже преступленія опалены небеснымъ огнемъ и въ душѣ ея, на мѣстѣ сгорѣвшихъ міазмовъ, открылся широкій просторъ тому обновленію, тому возрожденію къ жизни новой, непохожей на прежнюю, которое Толстой называетъ воскресеніемъ.

Это вовсе не жажда новыхъ ощущеній взамѣнъ надоѣвшихъ старыхъ, не желаніе испытать не испытаннаго, которое, въ свою очередь, можетъ надобѣсть, это—полный переворотъ, совершенно исключаящій возможность жить старою, грѣховною жизнью, это—то воскресеніе, при которомъ съ возрожденной души спадаетъ ея ветхая, грѣховная оболочка и замѣняется свѣтлою, лучезарною одеждою благихъ помысловъ, стремленій и упованій. Это—страшный переворотъ, который можетъ выдержать только сильная натура, это ужъ не праздная «чистка души», но роковая дилемма: *или смерть, или воскресеніе!* Тотъ, кто не въ силахъ воскреснуть умираетъ. Другого выбора нѣтъ.

Такія явленія рѣдко встрѣчаются (да и встрѣчаются ли?) на чисто нравственной, этической почвѣ; для нихъ необходима болѣе фанатизирующая—религіозная. При этомъ послѣднемъ условіи они возможны не только для отдѣльныхъ личностей, обладающихъ тѣми качествами, на которыя мы указали выше, но даже для цѣлыхъ массъ.

Чтобы иллюстрировать нашу мысль, возьмемъ нѣсколько банальный примѣръ Некрасовскаго «Власа». Вы видите предъ собою страшную энергію; не знающую рефлексій, колебаній, уступокъ:

... Побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ.

Власъ религіозенъ; но ему доступна только внѣшняя, обрядовая сторона религіи. Въ своемъ наивномъ міросозерцаніи фетишиста, онъ никогда не поднимался до общихъ нравственно-этическихъ началъ. Картины страшнаго суда во время болѣзни, какъ

Крокодилы, змій, скорпіи
Припекають, рѣжутъ, жгутъ;
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ,

производятъ въ его міросозерцаніи рѣзкій переворотъ; онъ совершенно измѣняетъ свой образъ жизни и свои отношенія къ людямъ, бросаетъ хозяйство, покидаетъ домъ:

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собою говоритъ
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенить...

Здѣсь вы видите всѣ черты фанатика-маніака, какъ результатъ сильнаго религіозно-нравственнаго потрясенія. Проповѣдь такого полупомѣшаннаго фанатика

производить потрясающее впечатлѣніе на массы и можетъ служить ближайшею причиною массовыхъ религіозныхъ движеній, сообщая почти эпидемически свое сумасшествіе толпѣ такихъ же искреннихъ, наивныхъ фетишистовъ. Не забираясь въ глубь исторіи, достаточно указать на примѣръ Будды, на дѣйствіе проповѣдей Оомы Мюнцера во время крестьянскихъ войнъ, на возникновеніе анабаптизма и Сіонскаго царства Іоанна Лейденскаго въ Мюнстерѣ, какъ на краснорѣчивые образцы подобныхъ массовыхъ умопомѣшательствъ, которыми въ особенности богата исторія Англіи и соплеменныхъ ей Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ странахъ такія религіозныя движенія, овладѣвающія массами время отъ времени, даже носятъ названіе воскресеній, «revivals of religion», ревивалей.

Массовыя воскресенія—нѣчто въ родѣ контагіозной эпидеміи, внезапно возраждающейся и охватывающей цѣлую страну. Они сопровождаются чисто патологическими явленіями. Наэлектризованные фанатическими проповѣдями самозванныхъ апостоловъ, слушатели истерически всхлипываютъ, ломаютъ руки, плачутъ горькими слезами, падаютъ на землю въ конвульсіяхъ, многіе заболѣваютъ, нѣкоторые даже умираютъ. Вотъ какъ описываетъ Диксонъ одинъ изъ подобныхъ ревивалей:

«Посреди лагеря, блѣдный апостолъ «пробужденія»,

стоя на старомъ полѣ, громовымъ голосомъ произносить пламенную рѣчь къ толпѣ столь же пламенныхъ, какъ онъ, слушателей, большею частью фермеровъ и ихъ женъ. Тутъ виднѣются и нѣсколько негровъ въ ихъ грязныхъ платкахъ, и нѣсколько краснокожихъ съ перьями на головѣ; вся эта толпа пылаетъ такимъ же огнемъ, какъ и самъ ораторъ, вполнѣ раздѣляетъ его ревность и еще болѣе разжигаетъ его пылъ. Его огненные фразы перерываются восклицаніями и всхлипываніями; его отчаянные жесты сопровождаются дикими криками и стонами. Не останавливаясь, не переводя духа, безъ-удержу продолжаетъ онъ свою рѣчь, забрасывая слушателей цѣлымъ потокомъ словъ и восклицаній; окружающіе его мужчины сидятъ блѣдные, неподвижные, съ сжатыми губами, скрестивъ руки на груди и съ отчаяннымъ выраженіемъ лица, ясно говорящимъ, что имъ нѣтъ спасенія отъ грѣха; женщины же дико мечутся по лагерю, размахивая руками, громко во всеуслышаніе каясь въ своихъ грѣхахъ, и часто, бросаясь на землю съ пѣной у рта, катаются въ истерическихъ судорогахъ; трезвые индѣйцы смотрятъ съ презрѣніемъ на эти имъ непонятныя продѣлки; а негры отъ времени до времени съ криками и всхлипываніями судорожно зываютъ: «Слава, слава, аллилуія!»

Но желая уяснить себѣ процессъ воскресенія, мы уклонились нѣсколько въ сторону. Возвратимся къ

Нехлюдову. Изъ всего приведеннаго выше мы можемъ придти только къ одному заключенію: что князь Нехлюдовъ въ разбираемомъ нами романѣ не только не воскресъ, но даже и не могъ воскреснуть въ силу своей неустойчивой, вѣчно колеблющейся натуры: онъ только въ сотый, можетъ быть, разъ, какъ змѣя, сбрасывающая старую кожу, перемѣнилъ старый, надобившій ему *façon de vivre* на новый.

Но если не воскресли ни Маслова, ни князь Нехлюдовъ, то кто же воскресъ въ романѣ «Воскресеніе»? Неужели гениальный авторъ обманулъ наши ожиданія и не оправдалъ заглавія своего романа?

Нѣтъ, лицо, дѣйствительно воскресшее въ этомъ романѣ, существуетъ. Кто же это лицо?

Въ своей бесѣдѣ съ интервьюеромъ одной московской газеты графъ Л. Н. Толстой отозвался о своемъ послѣднемъ романѣ, что романъ «Воскресеніе» онъ относитъ къ разряду «дурного» искусства, не «всеобщаго»; что онъ написанъ имъ подобно *прежнимъ* его романамъ, написанъ по *старой* привычкѣ, такъ сказать—по инерціи.

Итакъ, слѣдовательно, вотъ гдѣ лежитъ причина такого чрезвычайнаго успѣха этого романа: романъ «Воскресеніе» относится къ разряду «дурного» искусства, къ тому самому разряду, къ которому относятся романы «Война и миръ» и «Анна Каренина»;

онъ написанъ *подобно* этимъ двумъ романамъ, написанъ по той же *старой* привычкѣ.

Но если графъ Л. Н. Толстой возвратился снова къ «дурному» искусству и пишетъ, по старой привычкѣ, романъ, подобный его прежнимъ романамъ, то очевидно, что предъ нами воскресъ прежній художникъ, очевидно, что въ романѣ «Воскресеніе» воскресъ авторъ «Войны и мира», авторъ «Анны Карениной», авторъ «Дѣтства и Отрочества», очевидно, что, оставя пока въ сторонѣ мистическія попытки учительства, воскресъ самъ прежній Л. Н. Толстой. И мы горячо привѣтствуемъ воскресеніе великаго художника, и не можемъ не привѣтствовать его «Воскресенія», несмотря на неясность и недоказанность основной мысли этого произведенія и на болѣе чѣмъ эскизный, впрочемъ, навѣрное независимый отъ автора, характеръ 3-ей части романа.

Въ другой бесѣдѣ съ интервьюеромъ также московской газеты, Л. Н. Толстой подробнѣе отозвался объ основной мысли романа «Воскресеніе». «Въ этомъ сочиненіи нѣсколько руководящихъ идей,—говоритъ онъ.—Въ немъ я пытался выразить то, что давно уже занимало меня; хотѣлъ изобразить нѣсколько родовъ любви: возвышенную, плотскую и любовь еще высшаго сорта, облагораживающую человѣка; въ ней-то, въ этой послѣдней любви, и есть воскресеніе». Затѣмъ авторъ заключаетъ свою бесѣду при-

знаніемъ, что онъ доволенъ своимъ романомъ, такъ какъ въ немъ высказалъ то, что давно его занимало. Вотъ еще новое доказательство, что, воскрешая передъ нами, послѣ полувѣкового промежутка, типъ Нехлюдовыхъ, въ графѣ Л. Н. Толстомъ воскресъ прежній художникъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ: онъ высказалъ то, что его *давно* занимало, и доволенъ своимъ романомъ, хотя этотъ романъ и принадлежитъ къ разряду «дурного» искусства, не «всеобщаго» и написанъ по *старой* привычкѣ, по инерціи, какъ написаны «Война и миръ» и «Анна Каренина».

Въ добрый часъ! Отъ души привѣтствуемъ эту старую привычку и это дурное искусство, и пусть эта привычка къ дурному искусству еще долгіе и долгіе годы побуждаетъ Л. Н. Толстого дарить намъ произведенія, подобныя его послѣднему роману.
